

УДК 316

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ОСНОВАНИЯ
ИССЛЕДОВАНИЯ
ВЗАИМОСВЯЗИ ФЕНОМЕНА
КОРРУПЦИИ
И НАЦИОНАЛЬНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ
В СОЦИАЛЬНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ
ИНФОРМАЦИОННОГО
ОБЩЕСТВА**

Печкуров Илья Васильевич

Соискатель Адыгейского государственного
университета, г. Майкоп,
e-mail: i.pechkurov@gmail.com

**METHODOLOGICAL BASIS
FOR RESEARCH
OF THE RELATIONSHIP
OF CORRUPTION
AND NATIONAL SECURITY
IN SOCIAL SPACE
OF THE INFORMATION
SOCIETY**

Pechkurov Il'ya V.

Applicant, Adygei State
University, Maikop,
e-mail: i.pechkurov@gmail.com

В статье показана специфика секьюритологического характера информационно-правовых аспектов противодействия коррупции в социальном пространстве информационного общества, которая объясняется благодаря следующим методологическим основаниям: универсальная модель человеческой деятельности «субъект с определенными целями – средства и орудия деятельности – объект деятельности»; концепция временного ресурса; триада М. Фуко «суверенитет – дисциплинарные практики – правительственное управление»; концепция сетевого общества; социологический конструкт социального пространства и пр.

The article shows the specifics security nature of information and the legal aspects of fight against corruption in social space of the information society, which is explained by the following methodological grounds: universal model of human activity – "subject with certain objectives - the means and instruments of activity – the object of activity"; the concept of time resource; Foucault's triad – "sovereignty – disciplinary practices – government control"; the concept of the network society; sociological construct of social space, etc.

Ключевые слова: коррупция, безопасность, информационное общество, правовая систе-

Keywords: corruption, security, information society, the legal system, information and

ма, информационно-коммуникационные технологии, социальное пространство, социальное время, временной ресурс, модель человеческой деятельности. communication technologies, social space, social time, time resource, model of human activity.

Социологическое исследование взаимосвязи феномена коррупции и национальной безопасности, которое позволяет раскрыть особенности информационно-правовых аспектов противодействия коррупции в социальном пространстве информационного общества, предполагает использование ряда методологических оснований. Первым таким методологическим основанием является эксплицированная из произведений К. Маркса универсальная модель человеческой деятельности «субъект с определенными целями – средства и орудия деятельности – объект деятельности»¹. Данная модель обусловлена уникальной и универсальной способностью человека, сформированной использованием созданного им способа производства материальных благ, когда можно создавать вещь по меркам любого вида². Именно эта универсальная способность человека лежит в основе возникновения и развития предметного тела цивилизации как среды существования человека и общества [3, с. 93–94]. Принципиальным в данном случае является то, что способ производства человека имеет универсальный характер – именно это дает ему возможность моделировать существенные параметры окружающего мира.

Таковыми существенными параметрами (атрибутами) объективного мира и выражающего его субъективного мира являются понятия пространства и времени, которые продуцируются в ходе практической (предметно-чувственной) деятельности человека (производства и воспроизводства всей человеческой жизни). В плане нашей проблематики существенным является субъективный мир человека, фундаментом которого выступает способ производства материальных благ, порождающий мир человеческих артефактов – произведений искусства, религиозных и философских концепций, научных открытий, различных феноменов социокультурной, социоэкономической и социополитической жизни, в том числе и феномен коррупции и методы противодействия ей. Здесь немаловажным является то, что благодаря этому богатству развиваются сущностные силы человека и его наслаждения [1,

¹ Данная модель используется Е.В. Поликарповой: *Поликарпова Е.В. Воздействие информационно-коммуникационных технологий на сознание человека и конструирование социальной реальности* : дис. ... д-ра филос. наук. Ростов-на-Дону., 2011.

² Этот феномен детально исследован отечественным философом Ю.Н. Давыдовым: *Давыдов Ю.Н. Труд и искусство* : избр. соч. М., 2008.

с. 122]. Следует иметь в виду, что эти человеческие наслаждения в современном информационном обществе зачастую можно получить за счет коррупционных средств, представляющих собой эквивалент опредмеченного времени человеческой деятельности.

Ведь производство носит целенаправленный характер, который невозможен без наличного бытия систем символов и знаков (языка символов). Последние представляют собой маркирующие системы в человеческой производственной деятельности, неразрывно связанной с познанием и представляющей собой специфический способ существования прошлого человеческого мира. Вполне естественно, что отдельные исследователи акцентируют внимание на взаимосвязи знаковых систем различных культур и пространственно-временных созерцаний тех или иных исторических эпох, а также знаковых форм и пространственно-временного континуума. В данном случае системы символов и знаков являются одним из компонентов среднего звена структуры выписанной модели – они материализуют результаты познавательной деятельности человека, его индивидуальное и общественное сознание.

Применение модели универсальной деятельности человека в исследовании самых различных областей жизнедеятельности общества и индивида позволяет сделать вывод о том, что в определенном аспекте знаковые и символические системы науки – это развернутое в пространстве опредмеченное время человеческой деятельности. Когда субъект познания и деятельности, оперируя знаками и символами, получает новое знание, он фактически распредедмечивает опредмеченное социальное время и перестраивает знаковый материал для решения определенных задач познания и деятельности. Этот новый знаково-символический материал служит основой построения новых моделей времени и человека благодаря использованию «угасшего» времени человеческой деятельности. В условиях перехода к информационному обществу, интенсивного диалога культур Запада и Востока все большее распространение получают иррациональные концепции человека и целостное видение мира, предполагающие иные модели времени. Последние также обладают значительным эвристическим культурным потенциалом, что используется в философии управления социумом и поведением человека и социальных групп¹.

¹ В западной литературе уже давно стоит вопрос об управлении историей посредством конструирования желаемого правящей элитой будущего (См.: *Hawken P., Ogilvy J., Szwartz P. Seven Tomorrows toward a Voluntary History. N.Y., 1982*). Ведь человеческая свобода состоит в способности изобретать и выбирать лучший образ жизни. Эта способность изобретения будущего, отличного от прошлого, привлекла внимание

Своеобразие концепций (моделей) времени объясняется ориентацией человеческой деятельности на те или иные ценности, особенностями восприятия мира (его моделирование) представителями той или иной культуры. Эффективность же управления социумом и поведением человека, в том числе и его коррупционным поведением, определяется степенью учета культурных ценностей, доминирующих в данном обществе или группе, спецификой восприятия мира индивидом. Можно утверждать, что универсальная модель человеческой деятельности дает возможность показать, что правовая система и информационно-коммуникационные технологии в качестве систем символов и знаков представляют собой опредмеченное социально-природное время.

Второе методологическое основание исследования взаимосвязи феномена коррупции и национальной безопасности – это представление о времени как ресурсе, которое прекрасно вписывается в современные социологические концепции социального времени. «Социологический подход ко времени берет начало от работ К. Маркса, Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля, П. Сорокина, Р. Мертона, Г. Гурвича, Н. Лумана и развивается в работах последних десятилетий. В них рассматривались роль учета времени как аспекта социальных изменений, особенности счета времени в разных культурах, отношение людей ко времени, функции использования времени и т. д.» [2, с. 3]. Иными словами, социальное время в социологии, согласно В.А. Артемову, исследуется на протяжении длительного периода, в результате чего оно в качестве способа существования, функционирования и развития социума и его подсистем разного уровня было дифференцировано на три модуса: историческое (длительность существования конкретного общества или социальной системы), структурное (темпоральное выражение деятельности объектно-субъектной структуры социальной системы) и системное (время социальной системы, которое структурировано и представляет собою тот или иной исторический период) время. Сейчас важное значение приобрело системное время, в которое теперь включают не только собственно «человеческое» время, но и функционирование всего того, что создано в процессе производства материальных благ и духовного производства, имея в виду технологическую оснащенность современного труда [2, с. 7]. Именно этот компонент социального времени весьма наглядно показывает его опредмеченный характер, благодаря чему оно выступает в качестве мощного ресурса.

многих западных философских школ XX в., например, М. Хайдеггер назвал ее «темпорализацией».

Можно утверждать со всей определенностью, что концепция социального времени как временного ресурса, рациональные технологии использования которого приносят государству и обществу благо, нерациональные технологии выступают одним из источников коррупции. Ведь в случае рационального подхода к социальному времени в его предметной форме, как показывает опыт Советского Союза, оно использовалось для расширения объема свободного времени и сокращения рабочего, чтобы человек мог развивать свои творческие способности. И хотя, отмечает В.А. Артемов, советские предприятия не выдвигали на первый план создание условия для всестороннего развития человека, тем не менее они занимались решением проблемы активного отдыха посредством организации социальной инфраструктуры – спортивные клубы различного рода, бассейны, физкультурные сооружения и пр. Поэтому в теоретической социологии, продолжает он, социальное время в качестве ресурса отнюдь не является абстрактным и «голым»: оно «обрамляется» бытовой, экономической, социально-психологической, ценностной информацией, т. е. оно представляет собой «насыщенное» время конкретной действительности [2, с. 8]. И наоборот, социальное время может использоваться нерационально, что и происходит в случае функционирования бюрократической системы государства и других систем управления. В этом случае бюрократия использует временной ресурс для своего обогащения путем коррупционного поведения (об этом речь будет идти ниже).

Необходимо также принимать во внимание тот эмпирический факт, согласно которому в информационном обществе эффективно используется в управлении государством, экономикой и другими областями социума новая модель времени – модель виртуального времени, которая значительно расширяет объем ресурса социального времени. Особенно четко это видно в области экономики, когда речь идет о времени виртуальной экономики и времени в виртуальной экономике. В последнее время можно повысить конкурентоспособность продукции и услуг благодаря применению новейших информационных технологий, что придает организации (фирме, корпорации) виртуальный характер: в итоге появившаяся виртуальная организация на основе интегрирования организационного и информационного ресурса может эффективно управлять ресурсом виртуального времени [3]. Ядром этой виртуальной организации служит е-система управления, которая оснащена компьютерами и использует технологии сети Интернета, чтобы получить экономический эффект.

Модель виртуального времени и её ресурс используются также в функционировании электронного правительства, чья деятельность основана на социальных сетях, особенно на сети Интернета. Это, считает консультант Microsoft Д. Холмс, приводит к тому, что «государственные организации, пытающиеся держаться за старые методы ведения дел, окажутся, очевидно, некомпетентными и коррумпированными» [4, с. 30]. В определенном смысле данное замечание Д. Холмса является верным, однако необходимо принимать во внимание то обстоятельство, что государственные служащие способны использовать ресурс виртуального времени в своих корыстных интересах, в коррумпированных целях. Ведь государственным служащим присуще стремление добиваться все большей власти и богатства, для чего сейчас они стараются использовать и новейшие информационные технологии.

Это связано с особыми свойствами виртуального времени и функционирования мозга человека в темпоральной организации реальности, в том числе и киберпространства Интернета и других социальных сетей. В сети Интернета осуществляется постоянное «микширование» виртуального времени, которое обладает свойствами неоднородности и разнонаправленности, в результате чего можно программировать протекающие в виртуальной реальности информационных магистралей процессы, а также осуществлять манипуляции отдельными длительностями, перемешивать их и комбинировать для достижения определенных целей [5]. Необходимо также учитывать и особенности функционирования мозга человека, принимающего решения (того же государственного служащего или бизнесмена), в сфере индивидуального будущего времени. Отечественный специалист по выработке решений в неопределенных условиях Д.И. Шапиро подчеркивает, что в процессе принятия решений следует принимать во внимание процедуру доопределения неопределенностей в силу расплывчатости времени: «Подобные расплывчатые категории проблемно (“долгострой”), профессионально (долго с точки зрения историка, врача) и личностно (время ожидания) ориентированы» [6, с. 160]. В плане нашей проблематики именно личностный фактор ожидания значительно способствует коррупционному поведению государственного служащего, принимающего соответствующее решение.

Третье методологическое основание исследования взаимосвязи феномена коррупции и национальной безопасности состоит в концепции биополитики М. Фуко, в которой на основе постмодернистской философии множественного (здесь множественное, в отличие от греческого принципа помыслить многое через концепт единого, не сво-

дится к этому единому) показывается, что связь феномена коррупции и безопасности обусловлена биополитикой – «властью над жизнью» [7, с. 38–39]. Появление биополитики означает один из кардинальных переворотов в истории человечества благодаря тому, что данная концепция и связанные с ней практики произвели радикальное изменение в способе человеческого существования. Именно данное изменение дало толчок возникновению homo oeconomicus, гражданскому обществу и либеральной модели управления, которым присущи феномен коррупции, правовая система в виде римского юридического кодекса и система безопасности. Так, безопасность ориентирована на такое обустройство социальной среды, которое следует упорядочить в неоднозначных по своей природе и изменчивых условиях [7].

В данном случае необходимо иметь в виду то существеннейшее обстоятельство, что постмодернистская философия М. Фуко (подобно философии Ж. Делёза, Ф. Гваттари и других французских мыслителей) отвергает анализ действительности посредством категориального аппарата единого и таких его производных, как субъект, истина – добро – красота, субстанция. Здесь провозглашается принцип множественности: «именно тогда, когда многое действительно рассматривается как субстантив – множество, или множественность, – нет больше никакого отношения с одним как с субъектом или объектом, как с природной или духовной реальностью, как с образом и миром» [8, с. 14]. Данный принцип множественности дает возможность Ж. Делёзу и М. Фуко рассматривать такие сложные состояния и конструкции, которые М. Фуко квалифицировал как «машины». Именно эту концепцию машин М. Фуко развивал в области анализа властных структур, чьи семиотические звенья соединены с такими различными способами кодирования, как биологические, политические, экономические и пр., дающими импульс развитию различных систем знаков и символов, а также определяющими статусы вещей.

Эти властные структуры носят сетевой характер, они пронизывают все поры общества, причем они основаны на корпусе научного знания, что позволяет эффективно управлять социальными процессами. Западный специалист по стратегии современных организаций С. Каммингс так характеризует специфичность подхода М. Фуко к интерпретации власти: «Но это не власть как объект обладания, которую имеет один человек и использует её против других. Фуко говорит о власти, которая поддерживает знание, и эта власть носит более тонкий характер. Эта власть представляет собой сложную сеть связей, существующих между разными объектами; эта сеть генерирует и затем усиливает».

ет определенную точку зрения, повторяя и воспроизводя ее до тех пор, пока она не станет прекоцепцией» [9, с. 21]. Эта прекоцепция выступает основой науки, она упорядочивает её при помощи определенных принципов знания – такого рода сетеподобная власть позволяет структурировать «тело» знания. Однако эта власть носит не только позитивный характер благодаря её способности продуцировать знания из неопределенности, но и негативный характер в силу ограничения или подавления другой части знания [9]. Именно эта ограниченная часть знания используется теми или иными представителями власти для коррупционного управления (эта часть знания, посвященная альтернативным способам управления, недоступна другим членам общества).

Необходимо иметь в виду то эмпирическое обстоятельство, согласно которому сама либеральная модель управления парадоксальным образом содержит в себе принципы самоограничения власти и её постоянное вмешательство в дела общества, генерируя тем самым феномен коррупции.

В своей книге «Рождение биополитики» М. Фуко подчеркивает, что существует триада «суверенитет – дисциплинарные практики – правительственное управление», главной целью в данном случае выступают население и его богатство, что порождает коррупцию, а основными механизмами – аппараты безопасности. В отличие от Макиавелли, который считал объектом и целью власти территорию и населявших её людей, М. Фуко таковыми рассматривал комплекс «людей и вещей», где территория и собственность теперь представляют собой переменные величины: «Управлять государством теперь означает осуществлять экономию, то есть пристальный надзор и контроль за жителями и богатством» [10, с. 423]. В центре государственного управления теперь находится «экономика» – определенный уровень социальной реальности. Перед нами меркантилистский подход, когда государство своим объектом считает комбинацию «население – богатство», что означает политический подход к населению, представляющий собой совокупность элементов, связанных, во-первых, с общим регионом функционирования живых индивидов; во-вторых, с возможностью согласованного политического вмешательства [10]. Теперь становятся понятными истоки феномена коррупции, связанного с экономической составляющей как объекта государственного управления, так и безопасности социального порядка.

Четвертое методологическое основание исследования взаимосвязи феномена коррупции и национальной безопасности представляет собой теорию сетевого общества, чья мощь проявляется в её неотчет-

ливости. Социологическими исследованиями установлено превосходство сетевой теории над системной теорией, испытывающей значительные концептуальные трудности в описании феноменов информационного социума [11, с. 36]. Здесь частями сети выступают узлы (в них находятся индивиды, группы, организации или другие социальные структуры, в том числе и государственные структуры) и отношения (каналы, по которым текут различные виды социальной активности, например, финансовые трансакции, решения власти, которые могут носить коррупционный характер, и пр.), которые находятся в постоянной трансформации. Наконец, основным элементом дефиниции сети является сопряженное с сетевой теорией топологическое представление о пространстве, которое требует безопасности со стороны государственных структур, сетеподобной власти.

Существенная значимость сетевой теории состоит в том, что она, во-первых, способна находить точки соприкосновения с множеством других теорий – с теориями власти, поведения, коммуникации, организации, институтов и др.; во-вторых, она может давать описание отношений, которые находятся в фокусе внимания социальных теорий, расположенных на разных этажах иерархической пирамиды теоретического знания, т. е. сетевая теория носит фрактальный характер (она основана на принципе «самоподобия») [11, с. 38]. Следовательно, сетевая теория выступает в качестве социального конструкта, описывающего современное информационное общество с его новыми информационными технологиями.

Эти новые информационные технологии (мультимедиа, искусственный интеллект, виртуальные компьютерные технологии, аналитика больших данных, облачные технологии и пр.) дают возможность порождать, преобразовывать и передавать информацию не только посредством человеческого мозга, но и при помощи новых технических устройств [12, с. 89]. Все это кардинальным образом изменяет взаимодействие индивидов, предприятий и коммерческих организаций с органами государственного управления, оказывая немалое влияние на коррупционное поведение государственных служащих и бизнесменов и обеспечение национальной безопасности. Так, можно использовать алгоритмы машинного обучения (один из видов искусственного интеллекта) для того, чтобы переиграть государственного служащего, принимающего решение по какой-либо проблеме (выделение участка земли под строительство, выдача гранта в обход законодательства и пр). Машинное обучение сейчас является необычайно популярным потому, что оно используется для решения весьма сложных задач, для экономиче-

ского прогнозирования и т. д. Компьютер в рамках машинного обучения позволяет пользователю обыграть коррумпированного государственного служащего при помощи соответствующей программы, которая «запоминает те ходы, которые приводят к выигрышному результату» [13]. Не менее эффективной является технология облачных вычислений, когда пользователь имеет доступ к личному разделу большинства облачных хранилищ посредством веб-интерфейса (при помощи обычного веб-браузера). Преимуществом облачной технологии является то, что во многих сервисах существует функции автоматической синхронизации данных, – она «может пригодиться для передачи фотографий и видеозаписей, сделанных встроенной камерой мобильного устройства, на ПК или, к примеру, музыкальных записей в обратном направлении» [14, с. 57]. Именно видеозапись может сделать пользователь, зафиксировав коррупционное предложение со стороны государственного служащего, чтобы потом привлечь его к ответственности.

Можно утверждать, что вовлечение людей в активный информационный обмен, синхронный двусторонний обмен информацией, дает возможность объяснить значимость информационно-правовых аспектов противодействия коррупции в информационном социуме. Это с необходимостью требует разработки и внедрения в практику информационного общества законодательной и правовой базы, чтобы было возможно обеспечить защиту индивида и организаций от коррупционного поведения государственных служащих, чтобы было возможно регулировать информационные отношения между личностью, государством и обществом.

Пятым методологическим основанием исследования взаимосвязи феномена коррупции и национальной безопасности выступает социологический конструкт социального пространства. В последнее время в социально-гуманитарных дисциплинах произошел своеобразный пространственный поворот, что обусловлено возросшим вниманием к проблематике социального пространства. Это связано со следующими факторами: во-первых, сейчас наблюдается рост исследований значимости пространственного фактора в экономических, антропологических, политических, культурных и прочих процессах; во-вторых, произошла дифференциация географического пространства на собственно географическое пространство и специальные предметные поля пространства. «В социологии... – пишет Л.А. Беляева, – сегодня социальное пространство не сводится к месту, где происходят описываемые социологом события, явления и процессы, как не сводится оно и к пространству геометрическому» [15, с. 53]. Значимость концепта социаль-

ного пространства заключается в том, что он дает многомерную картину устройства социума, которую можно использовать для аналитического рассмотрения различного рода социальных феноменов, в том числе и феномен коррупции, место национальной безопасности в функционировании общества.

На основе подробного сравнения различных социологических концепций социального пространства Л.А. Беляева дает дефиницию социального пространства, которую кратко можно сформулировать так: социальное пространство – это символически-знаковое пространство, в котором представлены не физические объекты, а статусы социальных акторов, которые действуют исходя из своих интересов, ценностей и пр., опираясь на существующие законы и обычаи [15, с. 59].

Теоретико-методологическая значимость конструкта социального пространства состоит в том, что дает возможность исследовать живую ткань общества в его различных аспектах, в том числе и взаимосвязь феномена коррупции и национальной безопасности. Известно, что П. Бурдьё показал, что существенными элементами социального пространства выступают символический, экономический, культурный, политический и социальный капиталы. Именно с функционированием этих видов капитала тесно связаны коррупция, национальная безопасность и правовые и информационные технологии, используемые индивидами, социальными группами, государственными организациями для защиты своих интересов.

Все приведенные выше методологические основания взаимосвязи феномена коррупции и национальной безопасности дают возможность раскрыть суть этой взаимосвязи.

Литература

References

1. Маркс К. Экономически-философские рукописи 1844 года // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 42.
2. Артемов В.А. Эскиз социологической концепции социального времени // Социс. 2013. № 11. С. 3–9.
3. Чернов С.А. Время виртуальной экономики. Время в виртуальной экономике // Изучение времени: концепции, модели, подходы, гипотезы и идеи : сб. науч. тр. / под ред. В.С. Чуракова. Шахты, 2005. С. 73–81.
4. Холмс Д. eGov. Стратегии электронного бизнеса для государства. М., 2004. 368 с.
5. Штомпель Л.А., Штомпель О.М. Особенности времени виртуальной реально-

1. Marks K. Jekonomicheski-filosofskie rukopisi 1844 goda // Marks K. i Jengel's F. Soch. T. 42.
2. Artemov V.A. Jeskiz sociologicheskoy koncepcii social'nogo vremeni // Socis. 2013. № 11. S. 3–9.
3. Chernov S.A. Vremja virtual'noj jekonomiki. Vremja v virtual'noj jekonomike // Izuchenie vremeni: koncepcii, modeli, podhody, gipotezy i idei : sb. nauch. tr. / pod red. V.S. Churakova. Shahty, 2005. S. 73–81.
4. Holms D. eGov. Strategii jelektron-nogo biznesa dlja gosudarstva. M., 2004. 368 s.
5. Shtompel' L.A., Shtompel' O.M. Osobennosti vremeni virtual'noj real'nosti //

сти // Изучение времени: концепции, модели, подходы, гипотезы и идеи : сб. науч. тр. / под ред. В.С. Чуракова. Шахты, 2005. С. 65–67.

6. *Шapiro Д.И.* Виртуальная реальность и проблемы нейрокомпьютинга. М., 2008. 454 с.

7. *Фуко М.* Безопасность, территория, население. СПб., 2011. 544 с.

8. *Делёз Ж.* Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург; М., 2010. 892 с.

9. *Каммингс С.* Реконструкция стратегии. Харьков, 2010. 560 с.

10. *Фуко М.* Рождение биополитики / пер. с фр. А.В. Дьяков. СПб., 2010. 448 с.

11. *Хойслинг Р.* Социальные процессы как сетевые игры. Социологические эссе по основным аспектам сетевой теории. М., 2003. 192 с.

12. *Дёмина М.Н.* Изменения в когнитивных практиках индивидов под влиянием новых информационных технологий // Социс. 2010. № 6. С. 87–92.

13. *Абу-Мустафа Я.* Компьютер, который думает // В мире науки. 2012. № 9. С. 84.

14. *Асмаков С.* «Облако» для личных данных // Компьютер-пресс. 2012. № 8. С. 56–58.

15. *Беляева Л.А.* Культурный и социальный капитал и напряженность социального пространства России // Общественные науки и современность. 2013. № 5. С. 51–64.

Izuchenie vremeni: koncepcii, modeli, podhody, gipotezy i idei : sb. nauch. tr. / pod red. V.S. Churakova. Shahty, 2005. S. 65–67.

6. *Shapiro D.I.* Virtual'naja real'nost' i problemy nejrokomp'jutinga. M., 2008. 454 s.

7. *Fuko M.* Bezopasnost', territorija, naselenie. SPb., 2011. 544 s.

8. *Deljoz Zh.* Tysjacha plato: Kapitalizm i shizofrenija. Ekaterinburg; M., 2010. 892 s.

9. *Kammings S.* Rekonstrukcija strategii. Har'kov, 2010. 560 s.

10. *Fuko M.* Rozhdenie biopolitiki / per. s fr. A.V. D'jakov. SPb., 2010. 448 s.

11. *Hojsling R.* Social'nye processy kak setevye igry. Sociologicheskie jesse po osnovnym aspektam setевой teorii. M., 2003. 192 s.

12. *Djomina M.N.* Izmenenija v kognitivnyh praktikah individov pod vlijaniem novyh informacionnyh tehnologij // Socis. 2010. № 6. S. 87–92.

13. *Abu-Mustafa Ja.* Komp'juter, kotoryj dumaet // V mire nauki. 2012. № 9. S. 84.

14. *Asmakov S.* «Oblako» dlja lichnyh dannyh // Komp'juter-press. 2012. № 8. S. 56–58.

15. *Beljaeva L.A.* Kul'turnyj i social'nyj kapital i naprjazhennost' social'nogo prostranstva Rossii // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 2013. № 5. S. 51–64.